

Александр Маркову

Сентябрь астраханский. День шестой.
Под солнцем дремлют купола и крыши.
И берег – летописною строкой,
Которую веками Волга пишет.

Что в той строке останется от нас?
Когда избавит время от половы,
То сохранится ль в зёрнах про запас
Хоть фраза, хоть осмысленное слово?

Когда на стыд и совесть недород,
Когда единство с честностью пропали,
Такое слово может быть – «Народ»?
Какой народ? Не русский ли? Едва ли!

Когда заветной правдой обделён
Любой во имя кривды суетливой,
Такое слово может быть – «Закон»?
Конечно, может. Но закон – наживы!

Когда в цене и ненависть, и кровь,
И лютого беспамятства провалы,
Такое слово может быть – «Любовь»?
И может, и должно. Да вот не стало.

Когда гнездится в душах пустота,
И на дороге – равнодушья ямы,
Такое слово может быть – «Мечта»?
Куда там! Сплошь проекты и программы!

От ильменей до маковок Кремля
Исхожена от края и до края,
Такое слово точно есть – «Земля»,
Когда к нему прибавится – «Родная»!

Теки быстрее, времени река!
Вихрь перемен, старайся что есть силы,
Чтоб наша летописная строка
Два этих слова навсегда вместила!

ВЕРА

А на Чуркинском острове птицы поют,
Пахнут смолю венцы недостроенных храмов.
Здесь когда-то нашёл свой последний приют
Государев посол Севастьян Авраамов.

Принял мирную грамоту хан Ямгурчей,
И по царскому слову был щедро одарен.
Но несчастной судьбою в руках палачей
Оказался нежданно маститый боярин.

Ах, не вовремя русские взяли Казань!
Огорошенный вестью, что братья побиты,
Астраханский владыка в сердцах указал
Без огласки, тайком полонить московитов.

Говорят, есть пределы на свете всему.
Только злобу унять и осилить непросто.
– Всех казнить, а посла – в земляную тюрьму! –
Указал повелитель. – На Чуркинский остров!

Как из ямы прекрасна небесная высь!
Только в смрадном узилище – истины мера.
Ни еды, ни питья, лишь одно: «Отрекись!
От Руси, от Царя, ну, а прежде – от Веры!»

Только ведомо нам: на весенней заре,
Зову плоти и воле чужой непослушен,
«Авраамов голодною смертью помре»,
Ни единым грехом не испакоствив душу!

Над Сарбаем и Чуркой порвав облака,
Солнце ходит сазаном в апрельских полях.
Неужели в Хвалынское море века
Унесли навсегда то геройство бывшее?

Неужели купились на лесть басурман,
На доступность лихвы, на измены свободу?
Раздаётся в ответ: «Что нам тот Севастьян!
Не молиться, а драться приспело народу!»

Русь пропала? Спасём нашу матушку-Русь!»
Не ори, богатырь голосистый, потише...
Смертный шёпот нам чудится: «Не отрекусь!»
Над землёй православною нашей. Ты слышишь?

* * *

Сплоховал Щербачок –
Изловили в кружале.
В одночасье стреножили,
Как жеребца...
И привольно ярыжки
Взопревшие ржали,
Обмывая удачу
Бутылью винца.
И лежал Щербачок –
Что казачья нагайка,
Полонённая ворогом
В смертном бою.
И ярились ярыжки:
– Тащи-ка, хозяйка,
На великую радость
Ещё сулею!
Погляди, молодица,
Авось не приснится
Забубённый разбойник
Под лавкою вдруг.
В наш премудрый силок
Перелётная птица
На Москву прилетела

Из Стенькиных рук!
Не читала хозяйка
«Прелестные письма»,
Что дружкам не доставил
Изловленный вор,
Только жонкино сердце,
Как обручем стиснул,
Вороньём недобитого
Сокола взор.
Знает Бог да она,
Что за верное зелье
Сыпанула хозяйка
В чулане в бутыль...
О ярыжкином сладком
Последнем веселье
Не в сырой ли землице
Схоронена быль?
Сон-травой поросла
Та загадка-былина.
Только в нашем роду
С тех неведомых трав
Достаётся сынам
Щербачкова щербина
Да хозяйки кружала
Стремительный нрав!